

РОЗЕН ЕГОР ФЕДОРОВИЧ

РОЗЕН Егор (Георгий) Федорович, барон [16(28).12.1800, Ревель — 23.(26).3.1860, Петербург], поэт, драматург, критик. Выходец из остзейской семьи; родной язык — немецкий. Получил домашнее образование, преимущественно классическое: пополняя его чтением, приобрел широкие сведения в истории, философии (древней и новой, до И. Канта и И. Фихте), античной и западно-европейской (особенно немецкой) литературах. Любимейшими его поэтами были Вергилий и Гораций; в юности писал латинские стихи. В 1819 поступил в Елизаветградский гусарский полк корнетом и начал усиленно изучать русский язык и литературу; в письме к Ф. Н. Глинке (1829) вспоминал: «ревностное изучение труднейшего языка для меня услаждалось таинственною красотой Ваших произведений» (Поэты 1820—1830, I, 551). Служа на Дону и Волге, проникся интересом и симпатией к русскому народному быту. С 1825 в московских журналах появляются его стихи, отражающие, в частности, литературные впечатления от «Кавказского пленника» А. С. Пушкина и «Эды» Е. А. Баратынского: «Черкешенка Пушкина»¹, «Дева гор»², «К певцу Эды»³. В 1827—28 в Москве знакомится с кругом любителей и печатается в «Московском вестнике»: «Лето жизни» (1827, № 24; 2-я редакция — журнал «Гирлянда», 1831, № 2).

В литературных кругах отношение к Р. было поощрительным и отчасти снисходительным, как к даровитому, но все же чужезычному поэту; так, В. П. Титов именует его «германо-русским пиитой»⁴; позднее Шевырёв свидетельствовал, что «Московский вестник» «неохотно помещал его стихотворения»⁵; в 1829 О. М. Сомов, сообщая ссыльному Глинке, что Р. «подает большие поэтические надежды: вы бы подивились, слушая его остзейское коверкание русских слов в разговоре и чтении; но в поэзии его язык чист, и промахов встречается очень мало»⁶. В рецензии на первые отдельные публикации Р.: «Три стихотворения» (М., 1828), «Дева семи ангелов и Тайна» (СПб., 1829) Сомов хвалил замысел, язык и стихи («последние тем

¹ Дамский журнал, 1825, № 17.

² Московский телеграф, 1826, № 5.

³ Там же, № 16.

⁴ Письмо М. П. Погодину и С. П. Шевырёву 8 июля 1828 — Литературное наследство, т. 16/18, с. 699.

⁵ Шевырёв С. Ответы. <2>. Барону Р. — Москвитянин, 1848, № 1. С. 109.

⁶ 10 апр. 1829 — РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 397, л. 1—1 об.

замечательнее», что Р. «уже в совершенных летах начал заниматься русским языком» и преодолел его трудности «весьма счастливо»¹).

Выйдя в 1828 в отставку и обосновавшись в Петербурге, Р. в феврале 1829 через Шевырёва знакомится с Пушкиным и входит в круг А. А. Дельвига; печатается в «Северных Цветах» и «Литературной газете»: «Упрек», «Элегия», «Гелиос» (1830, 30 июня, 20 июля, 18 окт.). Его стихи находят поддержку у П. А. Вяземского («замечательное дарование»²) и у Пушкина: по воспоминаниям Р., он настойчиво рекомендовал ему заниматься лирической поэзией, отмечая как раз те тенденции его творчества, которые не совпадали с его собственными; так в связи со стихотворением «Три символа» (альманах «Альциона» на 1833) он говорил Р., что тот «живо напоминает Шиллера, не будучи подражателем»³. Р. точно уловил особенность литературные позиции Пушкина, в начале 1830-х гг. более всего опасавшегося эпигонства (ср. его критические отзывы о М. Д. Деларю и А. И. Подолинском) и извинявшего стилистические несовершенства оригинальных поэтов. Лирика Р. тяготеет к немецкой преромантической поэзии; восприняв учение Ф. Шиллера о независимости эстетических категорий от нравственных, Р., однако, не избавился от морализма и дидактического аллегоризма. Поэтика стихов Р. предвосхищает романтическую лирику 1830-х гг. (в т. ч. В. Г. Бенедиктова, которого, наряду с Подолинским, он высоко ценил): их отличает тот же декламационно-риторический характер, сочетание разнородных лексических сфер, склонность к словесно-образному каламбуру («Тоска по юности»,⁴ «Мертвая красавица» — альманах «Царское Село» на 1830). Р. разрабатывает популярные в 1830-е гг. мотивы и темы, в т. ч.: безумия поэта — «Видение Тасса», «естественного человека», скованного узами «света» и цивилизации — «Пастуший рог в Петербурге»⁵. Его стихи перегружены историческими реалиями и ассоциациями — от древнего мира до Средневековья; его попытка создать моралистическую балладу на темы прибалтийской истории («Казнь отца в сыне»; «Эсты под Беверингом» — «Альциона» на 1833) оказывается малоудачной. В 1828—29 систематически выступает в ревельской газете «Эстона» («Esthona»), публикуя переводы на немецком из Пушкина (стихи «Бахчисарайский фонтан», сцены из «Бориса Годунова»), Дельвига, И. И. Козлова, а также перевод статьи И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина». Одновременно обращается к опыту оригинальных образцов романтической поэмы байронического типа, с религиозно-моралистическим, психологическим («Дева семи ангелов», «Тайна») и историческим содержанием.

¹ Северные цветы на 1830, с. 71.

² Из письма к И. И. Дмитриеву 23 декабря 1833 — Русский архив, 1868, № 4—5, стб. 636.

³ Русский архив, 1878, кн. 2, с. 48.

⁴ Московский телеграф, 1826, № 15.

⁵ Московский телеграф, 1828, № 16.

⁶ Северные цветы на 1832; одобрено Пушкиным и Н. И. Гнедичем — см.: Русский архив, 1878, кн. 2, с. 48.

Особое место в творчестве Р. занимает русская фольклорная тема; отвергая «простонародность» (характерно его противопоставление подлинным фольклорным песням песен Дельвига как образца «народного», возвысившего до искусства), Р., однако, ищет в русском крестьянстве патриархальных нравов, христианских чувств и смирения, а также этических понятий и представлений, близких естественным началам человеческого общества. Он стремится создать «русскую идиллию» («Родник»¹), стилизует народную песню, пишет «народные рассказы» в стихах («Домовой. Новоселье», СПб., 1833).

Критический отзыв Дельвига на поэму Р. «Рождение Иоанна Грозного» (СПб., 1830)² стал причиной их разрыва «после очень близких отношений» (Дельвиг А. И., Полвека русской жизни, М.—Л., 1930, т. 1, с. 55). В это время Р. печатается в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1831—32, в т. ч. анонимно и под пародийным псевдонимом «Ксенократ Луговой», прозрачно намекающим на Кс. Полевого³), «Сев. Меркурии» и «Гирлянде» (1831), «С.-Петербургском вестнике» (1831), выступает как издатель альманахов «Царское Село» (1830; совместно с Н. М. Коншиным), «Альциона» (1831—33), где помимо стихов помещает и прозу [«Константин Левен», 1831; «Очистительная жертва», 1832; «Зеркало старушки», 1833; некоторые произведения под псевдонимом «Колыванов» (см.: письмо Подолинскому 22 января 1832 — РГБ, ф. 232, к. 3, № 32)]. Расхождение с пушкинским кругом было недолговременным; сразу после смерти Дельвига Р. поместил в «Литературную газету» стихотворение «тени друга» со скорбно-покаянными нотами («Простираю к небесам / Примирительную руку!» — 1831, 1 мая).

С самим Пушкиным у Р. установились тесные отношения. В 1830—1831 он перевел на немецкий язык, помимо его стихов, сцену из «Бориса Годунова» с рукописи издания: (напечатана в «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands», 1834, № 1; сцена перепечатана в переводе А. Савицкого с изложением сопроводительной статьи Р.⁴, опубликовав в переводе и оригинале и пушкинские фрагменты, не вошедшие в печатный текст⁵.

(По сообщению Р., перевод заслужил «восторженную благодарность» Пушкина и «хвалу Жуковского». В отличие от большинства критиков, сдержанно принявших трагедию Пушкина, Р. оценивал ее как шедевр, «творец коего во времена Петрарки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования» (письмо к Шевырёву 19 июля 1831⁶). Восторженное отношение к «Борису Годунову» выразилось и в рецензии Р. на 3-ю

¹ Сын отечества, 1843, № 3.

² Литературная газета, 1830, 2 декабря; др., более жесткий, иронический отклик см.: «Телескоп», 1831, № 1.

³ См.: РНБ, ф. 831, Цензурные материалы, т. 5, л. 170.

⁴ Литературные прибавления к Русскому инвалиду, 1834, № 1.

⁵ См.: Пушкин А. С. ПСС, М.; Л., 1935, т. VII, с. 132—33; примеч. Г. О. Винокура).

⁶ Русский архив, 1878, кн. 2, с. 47.

часть «Стихотворений А. Пушкина», где он также отметил как особое достижение поэта трагедию «Моцарт и Сальери» и «Сказку о царе Салтане»¹; в рецензии же на «Историю Пугачева» очень высоко оценил метод Пушкина-историка². Со своей стороны, Пушкин дал для «Альционы» «Пир во время чумы» и намеревался при переиздании «Бориса Годунова» написать теоретическое предисловие в форме письма к Р. К Пушкину Р. сохранял постоянную литературную и личную привязанность.

Другие его литературные взаимоотношения отличались крайней сложностью и неустойчивостью, что в немалой степени объяснялось его болезненным самолюбием. По воспоминаниям В. П. Бурнашева, в начале 1830-х гг. он «постоянно воевал» с Н. А. Полевым, с которым ранее сотрудничал (ср. статью Р. «Нечто о “Телеграфе”»³), настороженно относился к Ф. В. Булгарину, которого, однако, отделял от Н. И. Греча⁴. В начале 1834 порвал едва завязавшиеся связи с О. И. Сенковским, поставившим Н. В. Кукольникову «несравненно выше» в отзыве на трагедию Р. «Россия и Баторий»⁵.

В 1831 возвратился на военную службу и состоял при дежурстве Главного штаба при П. А. Клейнмихеле (до 1834). Материальная неустроенность заставляет, однако, искать литературного заработка в самых разнообразных, подчас враждующих изданиях: у А. Ф. Воейкова и одновременно в «Северной Пчеле» и «Сыне отечества» Греча и Булгарина, где в 1832—35 печатал сцены из нескольких трагедий: «Россия и Баторий» (отдельное издание: СПб., 1833), «Петр Басманов» (отдельное издание: СПб., 1835), «Дочь Иоанна III» (отдельное издание: СПб., 1836; ее считал своим лучшим драматическим произведением⁶). В 1841 задумал трагедию о Петре I и царевице Алексее⁷.

Исторические трагедии — центральная часть литературного наследия Р. Все они посвящены эпохе становления русской государственности (XV—XVII вв.) как времени трагических конфликтов и трагических характеров, наделенных чертами органической двойственности: так, Иван Грозный — «муж крайностей, величественный грешник», «и свет, и тьма, и благ, и зол избраннык»; Курбский — «светлый муж с темною судьбою», воплощение этических добродетелей и русский патриот и одновременно изменник, поднявший меч на отечество. В основе характерологии лежит в сущности классицистический конфликт чувства и долга, и долг является этической доминантой; логика поведения главных персонажей направляется

¹ Северная пчела, 1832, 7 апреля.

² Северная пчела, 1835, № 38, 18 февраля.

³ Сын отечества, 1832, ч. 148

⁴ Русский вестник, 1871, № 9, с. 265—72; № 10, с. 606, 636; № 11, с. 142—49, 166.

⁵ Библиотека для чтения, 1834, т. 1; см. об этом: Никитенко А. В. Дневник, т. 1—2, М., 1955—56, II, 132; весьма положительный отклик на трагедию, с общей высокой оценкой творчества Р. см.: Северная пчела, 1834, 11, 12 январь; подписано «Н. К.» (Кукольник?).

⁶ См.: Никитенко А. В. Дневник, т. 1—3, М., 1955—56, II, 202.

⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—22, СПб., 1888—1910, IV, 14—15.

формулой: «Чем выше долг людской, тем холодней, / Но тем и выше он, и ближе к Богу» («Осада Пскова», д. III, явление 5). Такова определяющая идея в построении, напр., драмы «Осада Пскова» (СПб., 1834; поздняя ред. ее «Князья Курбские»; отдельное издание: СПб., 1857), где противниками оказываются Курбский и его сын, оставленный им в России, воспитанный под именем кн. Прозоровского и ставший любимым военачальником Грозного (биография полностью вымышлена); над обоими тяготеет страх преступления (отце- и сыноубийства). Разрешение коллизии — «самоустранение»: чтобы не изменить чести и долгу, оба они вынуждены отказаться от света, уйдя в монастырь.

Трагедии Р. отмечены печатью официальной народности. Вслед за Н. М. Карамзиным он ставит особый акцент на патриотизме русских и приверженности их к самодержавию, даже в его аномальных, тиранических проявлениях. Поэтому «мучитель» Грозный в борьбе с внешним врагом находит опору в русском войске, в то время как гуманный, рыцарственный и просвещенный правитель Стефан Баторий терпит неудачу: его усилия сводятся на нет и мужеством противника, и своекорыстными интригами и раздорами шляхты.

Драма «Россия и Баторий» вызвала одобрение императора Николая, но не могла быть представлена на сцене, т. к. центральное место в ней занимал русский царь. По желанию императора и при консультации и частичном участии Жуковского (см.: письмо Вяземского И. И. Дмитриеву 23 декабря 1833¹; Бычков И., Бумаги В. А. Жуковского, СПб., 1887, с. 80; письмо драматурга Жуковскому 4 февр. 1834²). Р. создал весьма переработанный сценический вариант — «трагедию в 5 действиях» «Осада Пскова».

От трагедии хотели, «чтобы она произвела хорошее впечатление на дух народный»³; однако она не имела успеха и сошла со сцены после 3-го представления⁴. Сдержанную рецензию на драму и антикритику самого Р. в «Северной пчеле» (1834, № 232, Приб. 1 и 24 октября) продолжила полемика в той же газете: В. В. В. <В. М. Строев> отметил промахи в драматургическом замысле и построении, ошибки в языке (17 ноября), а Р. ответил статьей «Нечто о нынешней критике» (22 ноября).

При всей консервативности идеологических установок Р. художественная, социальная и психологическая проблематика его трагедий значительно сложнее, чем в исторических драмах других авторов 1830-х гг.; не случаен интерес к ним Пушкина, записавшего в дневнике 2 апреля 1834: «Кукольник пишет Ляпунова. Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта»⁵. В начале 1835 Жу-

¹ Русский архив, 1868, № 4—5, с. 636.

² Русская старина, 1903, № 8, с. 455.

³ Никитенко А. В. Дневник, т. 1—3, М., 1955—56, I, с. 132.

⁴ См.: История русского драматического театра, т. 1—7, М., 1978—87, т. 2; ср. Б<арон> Р. Драматические судьбы князей Курбских. — Северная пчела, 1858, 16 января.

⁵ XII, с. 323; ср. также: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1—2, М., 1985. II, 279—281.

ковский предложил Р. в качестве либреттиста М. И. Глинке, начавшему работу над оперой «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»).

По воспоминаниям дочери Р., Николай I выразил желание, чтобы Р. создал либретто оперы в «народном духе», хотя «сам барон не хотел и не думал попасть в либреттисты»¹. Работа началась при участии Жуковского (вскоре полностью передоверившего ее Р.) и В. Ф. Одоевского, весьма высоко отзывавшегося об искусстве поэта, вынужденного решать чрезвычайно сложные технические задачи, в т. ч. писать в заданной изначально метрической схеме (Одоевский В. Ф., Музыкально-литературное наследие, М., 1956, с. 120—121 и ук.). Критичнее относился к работе либреттиста Глинка, отмечавший стилистическую какофонию стихов, которые автор защищал с редким «упрямством» (Глинка М. И., Записки, М., 1988, ук.); тем не менее их сотрудничество продолжалось почти до окончания оперы; разрыв произошел, когда Глинка заканчивал партитуру, и дополнения и некоторые изменения текста сделали Кукольник и сам композитор (Гозенпуд А. А., Русский оперный театр 19 в., Л., 1969, с. 42 и ук.).

А. Я. Панаева, видевшая Р. на репетициях, оставила его словесный портрет: «тип немца, высокий, неподвижный, с маленькой головой, с прилизанными светлыми волосами и светлыми голубоватыми глазами, имевшими какое-то умильное выражение»; подобно И. И. Панаеву и Глинке, мемуаристка сообщила, что он «упивался» своими стихами². Как и трагедия Р., либретто «Жизнь за царя» оказалось шире отводившейся ему роли художественного официоза. «О роли Р. см. также *Лит.* при ст. Глинка М. И.).

В 1835—40 гг. личный секретарь при наследнике, великом князе Александре Николаевиче (в 1840 — коллежский асессор). Литературную работу, однако, не оставляет, участвует в «Современнике» Пушкина: ст. «О *рифме*» — к обоснованию безрифм. стиха (1836, т. I), сцена из трагедии «Дочь Иоанна III» (т. II). Смерть Пушкина глубоко потрясла Р.; памяти его он посвятил стих. «Могила поэта»³ и «Эврипид»⁴, где указал на конфликт с двором как причину гибели поэта (Лернер Н., Рассказы о Пушкине, Л., 1929, с. 199—203); какие-то стихи читал в день его похорон (воспоминания В. П. Бурнашева⁵).

В конце 1830-х гг. возобновил сотрудничество с Воейковым и ненадолго сблизился с А. А. Краевским; И. И. Панаев вспоминал о критических нападках Р. на драматургию Н. Кукольника, игру В. А. Каратыгина и постоянных разговорах о своем драматургич. призвании⁶. В 1838—39 в свите наследника (где был и Жуковский) совершил заграничное путешествие: встречался в Риме с Н. В. Гоголем. Результатом путешествия явилась серия путевых очерков и стихов в «Северной пчеле» (Лейпциг. Из путевых заме-

¹ См. в ст.: Иванов М. Музыкальные наброски. — Новое время, 1900, 18 декабря.

² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания, М., 1972.

³ Сын отечества, 1847, № 3.

⁴ Литературная газета, 1846, № 1.

⁵ Русский архив, 1872, № 9, стб. 1814—15.

⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания, М., 1950, ук.; ср. отзывы Р. о Кукольнике: Русская старина, 1901, № 2, с. 392.

ток — 1839, 21, 22 марта), «Сыне отечества» [стих. «Встреча в Эгерском замке» (1842, № 4), очерки: «Римский пантеон» (1841, II), «Первая прогулка по Риму» (1842, № 7), «Ватиканский собор» (1844, VI), «Поездка на дачу Горация» (1847, № 1), «Прогулка по Рейну» (1848, № 2, 11), «Путешествие по Швейцарии» (1849, № 9), «Римский пилигрим» (1849, № 10)] и других изданиях («Окрестности Женевского озера»¹), «Колизей, древний театр римлян» (Пантеон, 1840, ч. 1, кн. 1)]. Очерки Р. стали заметным явлением в рус. «литературе путешествий» 1840-х гг.; дорожные впечатления сочетаются в них с живо воссозданными картинами ист. прошлого, в т. ч. Средневековья, античности (см. «Поездка на дачу Горация»), критическими экскурсами, автобиографическими отступлениями, придающими повествованию личностный, порой лирический характер.

В 1840 вышел в отставку с ничтожным пенсионом в 400 руб.; Жуковский хлопотал перед вел. князем об увеличении суммы («этого достаточно, чтобы в первую треть года не умереть с голоду»²). По воспоминаниям родных, с начала 1840-х гг. жил затворником на своей небольшой даче в Кушелёвке, занимаясь литературой и воспитывая детей брата и собственных³. Нужда заставляла, как и ранее, искать литературного заработка; он устанавливает связи с «Пантеоном...» и «Лит. газ.» Ф. А. Кони⁴, и с «Сыном отечества»; в 1849 выполняет функции редактора, но уже через неск. месяцев вынужден передать их В. Р. Зотову⁵.

В «Сыне отечества» систематически печатал критические статьи, в т. ч. о переложении древнеиндийского эпоса «Наль и Дамаанти» Жуковским (1844, № 2) и о «Воспоминаниях» Ф. В. Булгарина (1847, № 3 № 1848, № 11), с защитой Булгарина от нападок прессы и признанием его значительной роли в русской литературе; в результате их сближения Булгарин предложил вести критический отдел в «Северной пчеле»⁶.

Подход Р. к литературным явлениям обусловлен его концепцией исторического развития русского общества, совместившей элементы славянофильства и западничества: как и славянофилы, он усматривал в русском народе нравственные и интеллектуальные потенции, дающие ему преимущество перед другими этносами, подобно западникам, в реформах Петра I видел мощное позитивное, цивилизующее начало. Р. решительно отрицал славянофильский тезис о разрыве между верхними слоями общества и народом, видя их разницу лишь в уровне просвещенности, распространяющейся постепенно. Ценность литературных эпох и наследия отдельных писателей определялась для него мерой сочетания в них просвещенности и народных начал; так, творчество А. А. Бестужева — воплоще-

¹ Литературная газета, 1842, № 13.

² Русский архив, 1883, кн. II, с. XXXIX.

³ Новое время, 1900, № (31) 12, № 8913.

⁴ Письма к Кони — Русский архив, 1911, № 11.

⁵ См.: Масальский; Зотов В. Р. Из воспоминаний — Исторический вестник, 1890, № 6, с. 558; Грот и Плетнёв, ук.

⁶ См. письма Р. к Булгарину 1848—53 гг. — Русская старина, 1901, № 2.

ние «оригинальности и гениальности» народного духа, но отмеченное печатью «дуализма», разлада между индивидуальным талантом и свойственным его эпохе невысоким уровнем просвещения¹. Образцом гармонического сочетания «народного» и «просвещенного» явилось позднее творчество Пушкина. В применении к конкретным литературным феноменам концепция Р., проводимая с догматической последовательностью, обнаруживала жесткий нормативизм и консервативность, что ясно сказалось в оценке Р. творчества М. Ю. Лермонтова и Гоголя.

Признавая за Лермонтовым индивидуальные достоинства и объявив «замечательными» «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича», Р. отверг «направление» его поэзии как «нехудожественное», проникнутое байронизмом, горькой рефлексией, а потому — «искусственное» и бесплодное для рус. лит-ры; дарование Лермонтова не успело созреть и преодолеть раздражительность («О стихотворениях Лермонтова»²). Откликаясь на 2-е изд. «Мертвых душ» (1846) со специально составленным к нему предисловием автора, Р. определяет Гоголя как «кривое зеркало», в которое смотрится «неизящная, не чистая природа» («Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее»³), а в статье «Ссылка на мертвых»⁴ развернуто анализирует зрелое творчество Гоголя («Ревизор», «Нос», «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями»), пытаясь доказать, что оно в своих основаниях противоречит нормам пушкинской эстетики, равно как и общим эстетическим нормам литературы. Одновременно нападал на сторонников и почитателей Гоголя, якобы возрадивших в нем убежденность в собственной гениальности. Мемуарная часть статьи содержала ценные фактические сведения о Пушкине и литературных взаимоотношениях в пушкинском кругу (в частности, Пушкина и Гоголя); тонкая пронизательность отдельных наблюдений и выводов сочеталась в ней с тем же узким эстетическим догматизмом, авторским сомнением и нарушением литературного этикета, иногда выходявшим за рамки литературных приличий (анализ статьи и вызванной ею полемики см.: Шенрок).

В 50-е гг. изредка печатался в «Северной пчеле» (1853—54, 1856—60); выход в 1857 «Князей Курбских» был уже совершенным анахронизмом. В том же году выступил с историко-публицистической книгой «Отъезжие поля» (СПб.), где пытался подтвердить свои концепции материалом этногенеза; черпая исторические, а главным образом «психологические» аргументы из Геродота, мифологии и др. античных источников, выводил происхождение славян от скифов, слившихся с готами, что, с его точки зрения, определяет как историческую древность русского народа, так и его особые воинские, личностные и нравственные качества. Публицистический трактат, несмотря на широкую начитанность автора, оказался совершенно дилетантский по методике анализа.

¹ Сын отечества, 1848, № 4.

² Сын отечества, 1843, № 3; см. также: Сын отечества, 1849, № 1, отд. VI.

³ Северная пчела, 1846, 14 авг., с. 712.

⁴ Сын отечества, 1847, № 6, с. 3—40.

В 1859 подал министру народного просвещения просьбу о цензурском месте, и был определен «из отставных» в Министерство народного просвещения; повторное ходатайство и обращение его к И. А. Гончарову (письмо от 28 ноября 1859¹) заставило Гончарова охарактеризовать его как человека «совершенно полуумного»; однако в феврале 1860 Р. назначили чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры; рапорты его свидетельствуют о непонимании и неприятии им современной литературы (Мазон А. А., Страничка из истории рус. цензуры в кон. 50-х гг. — Сб. в честь В. П. Бузескула, Х., 1914). По семейному преданию, Р. умер, держа в руках свою трагедию «Дочь Иоанна III»; после его смерти брат уничтожил весь архив как ненужный хлам.

Др. соч.: «Сидонский». Роман (Сын Отечества, 1848, № 5, 6, 12), «Жизнь за царя» [Либретто оперы М. И. Глинки] (СПб., 1836), [Автобиография] (Rozen G., Die Tochter Joann's III, SPb., 1841; рус. текст — в кн.: Розен А. Е., Очерк фамильной истории баронов фон Розен, СПб., 1876, с. 77—80.

Изд.: Баядера. (Индийская баллада). Из Гете. — «Литературное наследство», т. 4—6, с. 666—68; [Стихи]. — В книгах: Поэты 1820—30 (вступительная статья, заметка и комм. В. Э. Вацуро); А. С. Пушкин в стихах рус. поэтов XIX в., М., 1974 (стих. «26 мая», «Могила поэта»); Северные Цветы на 1832, М., 1980. [Статьи]. — В книгах: Русская критическая литература о произведениях Н. В. Гоголя, М., 1896, ч. III; Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина, 3-е изд., М., 1913, ч. V; Русская критическая литература о произведениях М. Ю. Лермонтова, 3-е изд., М., 1914, ч. II (сост. всех трех — В. А. Зелинский). Ссылка на мертвых [отрывок]. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, М., 1974, т. II.

Лит.: Пушкин (ук.); Дельвиг А. А., Соч., Л., 1986 (ук.); Плетнёв, III, 556—57; Сенковский О. И., Собр. соч., т. 8, СПб., 1859, с. 3—28; Усов П. С., Из моих воспоминаний — Исторический Вестник, 1882, № 1, с. 121—23; Арнольд Ю. К., Воспоминания, в. 2, М., 1892, с. 182; Барсуков, IV, IX (ук.); ОА, III, с. 660—66 и ук.; Шенрок В., Отзывы современников о «Переписке с друзьями» Гоголя. — Русская Старина, 1894, № 11; его же, Материалы для биографии Гоголя, М., 1895, т. III, с. 92—95; т. IV, М., 1897, с. 449, 463—65, 514, 699; Добролюбов (ук.); Дневник Пушкина, 1833—35, под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева, М.—Пг., 1923, с. 120—21; Дневник А. С. Пушкина (1833—1835), под ред. В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского, М.—Пг., 1923, с. 339—44; ЛН, т. 58 (ук.); Еремин М. П., Пушкин-публицист, М., 1963, с. 308—10; Иезуитова Р. В., Пушкин и эволюция романтической лирики в кон. 20-х и в 30-х гг. — Пушкин. Исследования и материалы, т. 1—12, М.—Л., 1956—86.— VI, 79—81; Серман И. З., Пушкин и русская историческая драма 1830-х гг. — Там же, с. 138—40; Исаков С. Г., О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х гг. — Ученые записки Тартусского государственного университета, в. 98, 1960, с. 179—80; его же, Журналы «Esthona» (1828—1830) и «Der Refraktor» (1836—

¹ «Русская старина», 1911, № 3.

1837) как пропагандисты русской литературы, — Там же, в. 266, 1971, с. 26—34; Богаевская К. П., Из забытых книг. — Прометей, т. X, М., 1974; Бонди С. М., О Пушкине. Статьи и исследования, М., 1978, с. 340—44; Горохова Р. М., Образ Тассо в русской романтической литературе. — В кн.: От романтизма к реализму, Л., 1978, с. 164—65; Вацуро (ук.); Шарыпкин Д. М., Скандинавская литература в России, Л., 1980; История русской драматургии XVII—1-й пол. XIX в., Л., 1982, с. 343—46 (ст. В. Э. Вацуро); Строганов М. В., Пушкин и Мадона. — В сборнике: А. С. Пушкин. Проблемы творчества, Калинин, 1987, с. 28—29; Эткинд Е. Г., Незамеченная книга Пушкина. — «Revue des études slaves», 1987, t. 59, fasc. 1—2, p. 204—09; Мир Пушкина. Фамильные бумаги Пушкиных—Ганнибалов, т. 1, Письма Н. О. и С. Л. Пушкиных к их дочери О. С. Павлицевой. 1828—1835, СПб., 1993 (ук. в т. 2); Вацуро В. Э., Записки комментатора, СПб., 1994, с. 332—42.

Некрологи: Северная пчела, 1860, 26 февраля; Геннади Г. Н., Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, т. 1—3, 1876—1908; Русский Биографический Словарь, т. 1—25, П.—М., 1896—1918; Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. 1—41А (кн. 1—82), СПб., 1890—1904; ИРДТ; Лермонтовская энциклопедия, М., 1981; Черейский Л. А., Пушкин и его окружение. Словарь-справочник, Л., 1975; Смирнов-Сокольский Н. П., Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX веков; История русской литературы конца XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962. (ук.); Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1—4, М., 1956—60.

Архивы: Санктпетербургская театральная библиотека (ценз. рукописи драм «Дочь Иоанна III», «Князя Курбские», «Осада Пскова», «Петр Басманов», «Россия и Баторий» и др.); РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 382 (письма Ф. Н. Глинке, 1829—31); ф. 195, оп. 1 (письма П. А. Вяземскому); ф. 236, оп. 1, № 127 (письма И. В. Киреевскому, 1832—33); ф. 88, оп. 1, № 41 (письма А. Ф. Воейкову, 1831); Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 590 (письмо Н. И. Гречу, б. д.); Российская национальная библиотека, ф. 539, оп. 2, № 942 (письма В. Ф. Одоевскому, 1833—36); ф. 171, № 239 (письма В. П. Гаевскому, 1853).

В. Э. ВАЦУРО

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004